

СТРОКОЙ ПРОРАСТАЯ СКВОЗЬ ВРЕМЯ...

Умер Иван Патенков через несколько часов после своего дня рождения. Было это сорок лет назад.

Накануне Патенкова пришел поздравить первый секретарь партийного обкома. Иван Михайлович лежал в больнице с инфарктом.

Попал туда после разноса, устроенного тем же секретарём. Вот тот разносчик-барин и явился в день рождения, с коньяком.

Нарочно, нет ли влил он коньяк инфарктному имениннику, теперь не узнать. Но Патенков, редактор «Орловской правды» с 1958 по 1965 год, умер. Ровно в свои пятьдесят шесть, полный сил.

Возможно, так было предназначено. Уже почти полгода — сразу после насильственной смены Хрущёва — редактор

смерти, в марте шестьдесят четвёртого, он с женой наблюдал ледоход — момент, всегда сильно волновавший его тонкую натуру.

Лёд на Оке треснул так гулко и страшно, что все вздрогнули. Под скрежет медленно двинувшихся пластов Иван Михайлович начал читать из есенинского «Чёрного человека»: «Друг мой, я очень болен. Сам не знаю, откуда взялась эта боль...»

Он часто и великолепно декламировал стихи, много их знал наизусть, особенно Блока. А дочуркам перед сном рассказывал сказки, которые тут же и придумывал.

рин, родилась писательская организация, членом которой стал и редактор.

«Не возражаю против выступления И. М. Патенкова в Союз писателей». Как вы думаете, чья это резолюция? Всё того же обкомовского вождя.

Сейчас это кажется неуместным, нелепым, как коровье седло, а тогда такие визы и согласования были в порядке вещей. В своей повести «Павел Аксёныч» Патенков показал управленческое разложение тех лет. Рукопись обсудили — и в печать не рекомендовали.

Патенков был раним. Он пытался соединить трепетное литературное творчество и жёсткую, возвращённую на совнархозовских докладах газетчину. Одно мешало другому, но не писать Иван Михайлович не мог.

Орловского драмтеатра, помог артистам разместиться по квартирам.

Урал перевернул его личную жизнь. Ранней весной сорок пятого увидел в Свердловске на сцене во время концерта художественной самодеятельности свою будущую жену, студентку Риту.

В тот же день, сразу после концерта, предложил ей руку и сердце, хоть и был на семнадцать лет старше.

Они два года переписывались, поженились. Потом он окончил высшую партийную школу и был отправлен в город Каменск-Шахтинский редактором газеты только что образованной Каменской области, которой суждено было просуществовать очень недолго.

В состав той области вошла и

который вскоре вспыхнул факелом прямо на дороге.

— Ничего, Рита, зато смотри, как классически горит! — успокаивал жену муж. — И книги наши целы...

Он любил стихи, разгул природы. Обожал рыбалку и грибы. Дружил семьями не с номенклатурными набобами, а с беспартийным шофёром, тоже грибником.

Патенкова, невысокого доброжелательного человека в круглых народолюбческих очёчках, знали в Орле часто не по имени-отчеству, а просто как редактора.

— Иди к редактору, — так и говорили на улицах.

«Орловская правда» тогда уже переехала с берега Орлика в новое здание Дома Советов. Чуть не половина посетителей

этого дома шла в редакцию, а половина той половины — именно к редактору.

Вот так однажды пришли к нему и приезжие литовцы-фронтовики. В феврале сорок третьего их дивизия полегла под селом Алексеевка, и литовцы хотели посетить это место, привести в порядок; а понимания в обкоме как-то не нашли. Тут им кто-то и сказал: «Идите к редактору».

Патенков принял их так, что скоро литовцы называли его своим побратимом. Стараниями газеты драматичный бой под Алексеевкой стал известен всей Орловщине, сюда приезжал литовский лидер, пригласил Патенкова и орловцев в Вильнюс, а там наших встретили как родных.

Младшая дочь Ивана Михайловича и Маргариты Васильевны Ольга Ивановна не стала менять отцовскую фамилию. По её лицу угадываешь, сколь красивы были её родители — и внешне, и внутренне. Ольга Ивановна рассказала все только что изложенные эпизоды и ни словом не обмолвилась ни о наградах отца, ни о званиях и заслугах.

Но о них и так известно, потому что о Патенкове регулярно пишут его бывшие соратники-журналисты, писатели, молодые краеведы-исследователи. Это значит, что память об Иване Михайловиче хорошо укоренилась и теперь уже не исчезнет из истории наших мест.

Юрий ОНОПРИЕНКО.
На снимке: Иван Михайлович на природе декламирует блоковских «Скифов».

Фото из семейного архива О. И. Патенковой.

пребывал в не лучшем состоянии. Он, душа порывистая и открытая, горячо верил в хрущёвскую «оттепель», и теперь, конечно же, был жестоко разочарован.

Это чувство тогда угадывалось в лицах многих думающих и честных людей. Разочарование Патенкова не прошло ему даром: получил несколько выговоров по самым надуманным поводам.

Наверное, он что-то ощущал ещё до переворота. За год до

Самому ему рано ложиться не удавалось: страницы завтрашнего газетного номера ему приносили на дом поздно вечером, последняя поступала где-то в два ночи. Читать редактор был обязан всё, и непременно сам.

Энергичный и беззлобный, он оставил после себя много добрых дел. Именно при Патенкове в «Орловскую правду» пришёл никому тогда не известный Дмитрий Блынский, приехал в Орёл Пётр Проску-

Родился он 20 марта 1909 года под Орлом в селе Мокрецы (ныне с. Борисоглебское Свердловского района), после четырёх классов сельской школы поступил на рабфак МГУ, потом перешёл в только что образованный литинститут, служил, перед войной работал в Орловском Доме политпроса.

С начала и до конца войны был на политработе в Уральском военном округе. Выхлопотал, чтобы туда на Урал в город Чебаркуль перебралась труппа

станция Вёшенская, Патенков встречался с Шолоховым, очень недовольным новообразованием, но приветливым с журналистами. Областной театр поставил пьесу Патенкова о партизанах. Позже в Орле будет постановка ещё одной военной пьесы Ивана Михайловича.

Из Каменск-Шахтинского уехали после упразднения области-неудачницы, библиотеку отправили в Орёл в контейнере, а все вещи, включая и пианино, повезли в грузовике, ко-